

АНДРЕЙ КУРЕЙЧИК

СВЕТЛЫЙ ДОМ
пьеса

© Андрей Курейчик, 2005

www.kureichik.belarustoday.info
a_kurei@mail.ru
+375-297-534826

Действующие лица:

НАСТЯ

ОЛЬГА

ЯНА

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ, доктор

ГЕНРИЕТТА, девочка двенадцати лет.

ЖОЗЕФИНА, французская артистка.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ, жандарм

ОЛЕГ, профессиональный революционер

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, филантроп

Действие происходит в доме НАСТИ

I.

НАСТЯ, ОЛЬГА и ЯНА на веранде дома.

ЯНА. Духота...

ОЛЬГА. Церковная. Щегол, слышите?

НАСТЯ. Если верить барометру, ещё день будет солнцепёк. Впрочем, за прошлый месяц он ошибался трижды.

ЯНА. Кто?

НАСТЯ. Барометр.

ЯНА. Слово-то какое: ба-ро-метр.

ОЛЬГА. Бабушка говорила «нюхай погоду». У неё был нос как ятаган. Она умела различать запахи фиалок, собранных с разных полей... У меня длинный нос?

ЯНА. Этот чай с жасмином?

НАСТЯ. И мятой... Но мяты совсем чуть-чуть.

ОЛЬГА. Мяты чуть-чуть...

Пауза.

НАСТЯ. Забыла рассказать: вчера была в местечке – новостей тьма. Во-первых, господин Кулиш собирается, наконец, открыть аптеку. Вы только подумайте, семь тысяч человек – и никакой аптеки в округе.

ЯНА. Ой... Уронила в чай пирог.

ОЛЬГА. «Но нет лекарства от чумы любви». Сама забыла, что написала.

ЯНА. Интересно, сколько пирога влезет в чашку.

НАСТЯ. Так вот, о чём это я? Ах да, буквально на прошлой неделе у детей из Острожинки началась сыпь, а лекарств нет. Ничего – только сушёная календула или что... Григорий Фёдорович поехали, посмотрели...

ЯНА. Разбух.

ОЛЬГА. Ты будешь это есть?

ЯНА. Конечно. Хочешь? Называется «Пирогчай».

ОЛЬГА. О, Господи... Настя, ты мой блокнот не видела?

НАСТЯ. Нет. Может, ты его в беседке забыла?

ОЛЬГА. Кожанный такой, коричневый. Одна строчка вылетела из головы...

ЯНА. А что, сам Григорий Фёдорович к нам не зайдёт? (*ОЛЬГА пожимает плечами*).

НАСТЯ. Так вот, Григорий Фёдорович осмотрел детишек – сыпь такая крупная, вроде как пчелиные укусы, прослушал дыхание, посмотрел языки и... (*ЯНЕ*) Что ты спросила? Пока ещё не заходил...

ОЛЬГА. Ждёшь? «И в каждом взгляде ей заметна тайна»...

ЯНА. А если помешать получается – каша. Пироговая каша.

НАСТЯ. Думаю о ремонте. Но вряд ли в этом году.

ЯНА. Не надо. Такая грязь, копоть...

НАСТЯ. Копоть – это от сгорания.

ЯНА. А на ремонтах обязательно что-нибудь сгорает.

ОЛЬГА. Янка права – повремени. Старый дом хорош своей старостью. Из щелей – дыхание, по углам – домовые, а сквозь стёкла – свет старый и вечный.

ЯНА. И духота...

ОЛЬГА. И духота церковная.

НАСТЯ. Папа говорил, дом сто лет простоит.

ОЛЬГА. Простоит.

ЯНА. Если Олежка, Олег Петрович не подорвёт его в революционных целях.

НАСТЯ. Боже, какие глупости.

ОЛЬГА. Весь мир – пороховая бочка, только фитиль никак не догорит. К речке сегодня не пойдём – слишком жарко. Да и письма надо написать. Приветы, пожелания, сухостой слов...

Пауза.

НАСТЯ. Между прочим революционные идеи очень распространены в умах интеллигенции. Это говорит не только Олег Петрович.

ОЛЬГА. Ох, сделал бы он уже свою революцию и успокоился.

НАСТЯ. И Павел Павлович... У них в жандармерии об этом тоже говорят.

ЯНА. Что это за название такое: «жандарм Павел Павлович». Придурковатое и совсем как пирогчай.

ОЛЬГА. Злая...

ЯНА. Пирогчай. Павел Павлович Пирогчай.

НАСТЯ. Газеты пишут, что в столице снова волнения.

ЯНА. У нас нет волнений. Пирогчай не позволит.

ОЛЬГА. Это несносно!

НАСТЯ. Оля, найдём мы твой блокнот.

ОЛЬГА. Это несносно! Несносно... Несносно...

НАСТЯ. Ты посмотри на неё – у неё нервный срыв. Оля... Оль... (*ЯНЕ*) А у тебя от этой бурды будет понос!

ЯНА. Это не бурда, это пирогчай.

НАСТЯ. (*ОЛЬГЕ*). Ничего, придёт Григорий Фёдорович, они помогут.

ЯНА. Хи-хи...

ОЛЬГА. Всё время думаю о возвращении в Петербург. Ночью снился Анечков мост. Я всё под ним проплывала. Канал длинный. Плыву, и каждый мост – Анечков. Во сне люди плачут.

НАСТЯ. Ты не плакала. Я подходила, ты не плакала.

Пауза.

ЯНА. Играем в брызгалки!

НАСТЯ. Что это за игра такая? (*ЯНА брызгается*). Ты что? А вот тебе! Оль, лови её! Лови!

ЯНА. Нет! Нет! Нет! Так нечестно! Вас больше... Вот вам! Нет!

II.

Входит доктор ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Да это кадриль какая-то!

ЯНА. Кадриль, именно кадриль!

ОЛЬГА. От духоты спасаемся... Водомерки.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Ольга Исааковна, я вам прописал успокоительный отвар, извольте выпить...

НАСТЯ. Я принесу.

ЯНА. А я вам прописала пирогчай. Извольте съесть.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Что это ещё за новость – «пирогчай»?

НАСТЯ. Не слушайте её, Григорий Фёдорович, Янка по обыкновению шалит.

ЯНА. Слышите, по обыкновению...

НАСТЯ. *(Приносит капли)*. Вот.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Девятнадцать капель.

НАСТЯ. Раз, два, три...

ОЛЬГА. Вообще, очень мило, что вы зашли. Настя как раз рассказывала про каких-то детей, к которым вы...

НАСТЯ. Девять, десять, одиннадцать...

ОЛЬГА. И не говорит, чем дело закончилось.

ЯНА. Насть, что там с этой сыпью?

НАСТЯ. С чем? Ну вот сбила, придётся опять. Раз, два, три...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Все до единого оказались симулянтами.

НАСТЯ. Да вы что?

ОЛЬГА. Мы должны быть к ним снисходительны: здесь, в северо-западной глуши чем ещё заниматься?

НАСТЯ. Девять, десять, одиннадцать...

ЯНА. И ещё мы уже всё знаем про аптеку. Настя, уже ведь открыли?

НАСТЯ. Что? Да. То есть, нет. Яна! Вот, ты опять меня сбила!

ОЛЬГА. Дай, я сама. Раз, два, три...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Совершенно бессмысленное предприятие. Зачем лекарства отъявленным симулянтам? Я вам так скажу: я уже пятнадцать лет доктор в этом округе, и до сих пор не встречал здесь ни одного больного человека. Можете поверить, ни одного.

ОЛЬГА. Девять, десять, одиннадцать...

ЯНА. Оль, ты слышишь?

ОЛЬГА. Что? Ну вот, теперь и я сбилась... Яна...

ЯНА. Ну вы странные. Хм...

ОЛЬГА. Раз, два, три...

НАСТЯ. Человек несовершенен. Он обязан болеть.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Сам знаю. Сам поражён. Обязан болеть – так точно. А вот поди ж ты, в этом уезде как назло – не болеет! Я уже и сам собирался писать об этом феномене в Москву, в Академию медицинских наук. Самому академику Бехтереву.

ОЛЬГА. Девять, десять, одиннадцать...

ЯНА. Я молчу. Хотите черешни?

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Спасибо. А у меня по всем плодам неурожай. Прямо невезение какое-то.

ЯНА. Оль, возьми черешни. Ой, рассыпалась...

ОЛЬГА. Никогда я не налью эти успокоительные капли! С ума здесь сойдёшь, а не успокоишься! (*Плачет*).

НАСТЯ. Ну вот...

ЯНА. Я не виновата. Черешни жалко. Они совсем как маленькие, толстенные человечки. Кожа, мясо, кровь, косточки... Раздавишь – и только кровавая лужица. Ой, лужица, ещё лужица, и ещё, и ещё... Попались? Я вас всех раздавлю! Всех! (*Прыгает и давит черешни*).

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Я сам налью капли. Раз, два, три... Я, как и Юлий Цезарь, с детства приобрёл навык делать несколько вещей одновременно. Так вот, пришёл однажды ко мне конюх – Григорий Репейников – имена и фамилии, кстати, запоминаю энциклопедически... Девять, десять, одиннадцать... И говорит: «Доктор, у меня вывих. С телеги упал, конь лягнул. Нога распухла, ходить не могу». А у самого глазки бегают... Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... А я ему: «А ну-ка, братец, попляши!» Он: «Как плясать-то, отец родной?» «Пляши, -- говорю, -- симулянт проклятый, пляши, подонок, а то собак спущу... А собаки у меня, это каждый знает, самые злющие в округе. Восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один... Сколько я говорил надо?

НАСТЯ. Сколько накапали, столько и слава богу. Ольга...

ЯНА. А хотите я тоже выпью? Мне тоже надо, а то я озверевшая. Черешнеубийца.

ОЛЬГА. Надо убрать...

НАСТЯ. Я уберу, уберу... И что дальше?

ЯНА. А вы, Григорий Фёдорович, черешнеубийц лечите?

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Что за новость такая – «черешне-убивец»? Я такие шутки не лечу.

НАСТЯ. Да она проказничает. И что с конюхом?

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Представьте себе, заплясал! Пляшет и кривится. Я ему: «Что ж ты, брат, кривишься? Ты улыбайся! Радуйся! – говорю. – Тварь ты этакая, веселись!» И что вы думаете...

НАСТЯ. Генриетты давно не видела, волнуясь...

ОЛЬГА. Вот попомнишь, она мой блокнот и стянула. Что же это за жизнь, когда в доме ничего оставить нельзя!

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. И представьте себе, конюх этот, Репейников, плясал так, что сбежалась вся деревня, и тоже в лявониху! Тут уж и баяны пошли, и гитары... Хлопцы каких-то цыганок приволокли, петь заставили... Эх! На пять вёрст гудело, к утру только и разошлись...

ЯНА. (*Подносит ГРИГОРИЮ ФЁДОРОВИЧУ блюдо*). Торжественно и церемониально принимаю вас в ряды почётных черешнеубийц! Берите любую.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Спасибо. А то у меня – ничего, голые деревья...

ЯНА. А теперь пирогчай!

НАСТЯ. Яна!

ЯНА. Он должен, должен! Без пирогчая обряд не получится!

НАСТЯ. Сейчас я ей задам...

ЯНА. Без пирогчая нельзя!

НАСТЯ. Отдай.

ЯНА. Нет, он съест.

ОЛЬГА. У нас здесь такая кутерьма... А ещё эта духота, церковная.

ЯНА. Моё!

НАСТЯ. Ох, набегалась... Не обращайтесь внимание, сейчас отдышусь. (*Пробегает Генриетта*).

ОЛЬГА. Гетта, Гетта... Даже не обернулась... Злитесь она на меня что ли...

ЯНА. Хорошо, пусть не ест пирогчай. Но черешнеубийцы будут мстить. О, и месть будет ужасной!

ОЛЬГА. Она ненавидит меня с первого дня... С самого первого дня. Блокнот украла, почему?

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. По моим наблюдениям в двенадцать-тринадцать лет у детей...

НАСТЯ. (*Громко зовёт*). Гетта! И меня совсем не слушается. Ох... Ну что же, мы чай уже не пьём?

ЯНА. Григорий Фёдорович, у меня к вам совсем личный вопрос. Говорят, вы жену свою отравили...

НАСТЯ. Боже, за что мне всё это?

ЯНА. Отравили, да?

ОЛЬГА. Где мои сигареты? Дым не помешает...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Что вы, что вы...

ОЛЬГА. Опять ничего не напишу... В голове – разброд. Мысли какие-то близорукие. Слово за слово зацепится – и ничего, ничего...

НАСТЯ. Много нервничаешь. И вообще...

ЯНА. Если вы синяя борода, я вас в губы поцелую.

НАСТЯ. Яна...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Кстати, вот вы смеётесь, а моя жена, между прочим, лучшее подтверждение моей теории. Она умерла совершенно здоровым человеком в двадцать три года. Уму непостижимо. Осень золотая. Яблоки величиной с мужицкий кулак... Это прошлой осенью, помните?

НАСТЯ. Как же...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Такие вот... А у ней иппохондрия. Десять капель – ничего! Пятнадцать – как вода! Двадцать пять... А она одно и то же: «у меня здесь болит, грудь опухла»... Убедила себя, что у неё рак, и всё! Очень твёрдого характера была женщина. Мне назло и умерла!

Пауза.

II.

Прошло время... Как будто утро или день. ЯНА, ОЛЬГА и НАСТЯ.

ЯНА. У Гетты день рождения! У Гетты день рождения! Вы подумайте, сегодня же Геттарождение какое-то...

ОЛЬГА. Дарить подарки – такое лицемерие. Человек ведь и так ничем не владеет... Ну чем он владеет? Телом, мыслями, душой... Да и то временно.

НАСТЯ. Триннацать – такой сложный возраст. Вспомнить себя – жуть.
ОЛЬГА. Нет, я чёрствая.
НАСТЯ. Что удумала? Ну какая ты чёрствая, Оль... Слушать стыдно. Яна, простудишься...
ЯНА. И умру. Вот подарок будет на Геттарождение.
ОЛЬГА. Блокнот не отдала.
НАСТЯ. Хм... Зато погоду обещали чудесную. И заметьте, никакого ветра... Слышите? Покой в мире...
ОЛЬГА. Ох...
НАСТЯ. Блокнот отдаст.
ОЛЬГА. Брось.
НАСТЯ. Я попрошу сегодня, отдаст.
ЯНА. А если они все заблудятся? Григорий Фёдорович, Жозефина, Корнелий Александрович, Олежка... Ну и уж конечно Павел Павлович... Он хоть и жандарм, но совершенно блудливец.
НАСТЯ. Ты забыла Олежку, ах да... Прости. Голова... (*Достаёт подарок*). Нравится?
ОЛЬГА. Прелесть. Ей?
ЯНА. Ничего себе Геттарождение нас ждёт...
ОЛЬГА. Сигареты заканчиваются, дымлю как резиновая фабрика.
ЯНА. Точно, точно...
НАСТЯ. Во вторник куплю.
ОЛЬГА. Григорий Фёдорович курить запрещает, правильно, конечно... Он вообще всегда правильно говорит, да что мне с собой делать... Поздно... (*Насте*) Ты чего?
ЯНА. Они заблудятся и превратятся в эльфов, будут ходить голые, мхом поросшие... Лешегости! И петь... (*Негромко поёт*).
ОЛЬГА. Ты чего?
НАСТЯ. Прости. Что-то сердце сжалось... Прости.
ОЛЬГА. Насть...
НАСТЯ. Времени-то сколько, а она где-то ходит. Волнуюсь. Я её было выследила с утра – она на дерево залезла... Когда успела, ума не приложу...
ЯНА. На какое?
НАСТЯ. На иву, ту, что у берега... Высоко: ствол ручёнками ухватила и сидит. Слилась... Я только через час, наверное, её заметила. Кричала, звала, упрашивала – ни в какую. Даже не шелохнулась. Пошла за лестницей, возвращаюсь – никого. С тех пор не видела...
ЯНА. (*Резко*). Гав!
ОЛЬГА. Яна! (*Начинает смеяться*). Боже, я с ума сойду.
ЯНА. Поздно. После изобретения пирогчая ума больше нет!

Из-под земли появляется ОЛЕЖКА.

НАСТЯ. Олег Александрович, вы же весь измажетесь.
ЯНА. И будет у нас Олежка политический чумаец!
ОЛЕЖКА. Кто же знал, что у вас здесь такие корневища? Еле продрался... Здравствуйте.

ОЛЬГА. На меня внимание не обращайтесь.
ОЛЕЖКА. Ольга, здравствуйте.
ОЛЬГА. Меня нет. Сказали же вам, меня нет. Нет! Я там где-то, далеко... Не здесь.
НАСТЯ. Пусть поработает.
ОЛЕЖКА. Поэтессы – вымирающий класс!
ЯНА. А политические чумазцы – наоборот. Поэтессы – вымиранцы. А политические чумазцы – народненцы!
НАСТЯ. Иногда совершенно перестаю её понимать. Придумывает себе что-то, и ни за что из головы не вытравишь. А... Вы первый.
ОЛЕЖКА. Настя, а у меня для вас презент.
ЯНА. Ты всё перепутал, чумазец: сегодня не Настерождение, а Геттар-р-р-р...
ОЛЕЖКА. Что за Гетта-р-р-р...
ЯНА. Гаттарождение! Боже, какие глупые чумазцы. Голову вы что ли корневищем повредили?
НАСТЯ. А что это?
ОЛЕЖКА. Флаг. Символ новой жизни. Лучшего будущего...
НАСТЯ. Спасибо Олег.
ЯНА. Спасибо Олег. Мы обязательно сошьём из вашего будущего самую красивую юбку.
ОЛЬГА. В головах и желудках чёрт знает что, а всё туда же... Про будущее.
НАСТЯ. Флаг замечательный... Только...
ЯНА. А можно мне? (*Резко вырывает флаг у НАСТИ*).
НАСТЯ. Стой! Отдай! Ну вот, теперь пока не наиграется – не отдаст.
ЯНА. (*Носится с флагом*). Я – заря человечества! Аврора! Я приношу всем иное, лучшее счастье! У-у-у-у!
ОЛЕЖКА. Вы не подумайте, я не забыл про день рождение Генриетты Оскаровны. Вот здесь в двух томах изложены основы нашей идеологии... Это очень доступно.
ЯНА. У-у-у-у-у-у!
ОЛЕЖКА. А если будут непонятные дефиниции, цифры, таблицы, то всегда можно спросить. И вы сможете прочитать...
ОЛЬГА. Нет уж спасибо... Проще выучить древнеегипетский.
ЯНА. Или взлететь. (*Взлетает*).
НАСТЯ. Я прочитаю. Такая беда с этими полётами. Яна осторожно, Яна!

В воздухе появляется ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ и сталкивается с ЯНОЙ.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Боже, Яночка, я вас не ушиб?
ЯНА. Настя! Настя! Меня задавили!
ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Тысячу извенений, я такой неуклюжий...
ОЛЕЖКА. Как и вся государственная бюрократическая система.
ЯНА. Посмотрите на меня, посмотрите... Я теперь Плоскояна.
ОЛЬГА. Суета... Ох, голова гудит...
ЯНА. (*ПАВЛУ ПАВЛОВИЧУ*). Вот вам флаг!
ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Простите, зачем он мне?
ЯНА. Наденете на свой флагшток.
НАСТЯ. Яна! Не конфузьтесь, это маленькая месть с её стороны.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Такая жестокость. Представьте себе, лечу сюда, опаздываю... Думаю об одном ангеллическом существе, пребываю так сказать в сказочных местах, в предвкушениях, и надо же... Именно с ним и такая авария.

НАСТЯ. Ликёру? Олег, будете?

ОЛЕЖКА. Что ж, буду.

ЯНА. (ПАВЛУ ПАВЛОВИЧУ). Или вы наденете флаг на свой флагшток, или я вас никогда не прощу.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Как же так, Яночка, при всех?

ОЛЬГА. Очень хорошее для него место. Bravo!

НАСТЯ. Между прочим, флаг подарили мне. И только я вправе им распорядиться. Так что он будет висеть... Он будет висеть... На очень почётном месте, которое я потом определю. И никаких склок! Праздник-то не наш...

Пауза.

ЯНА. Ура! Ещё лешегости идут!

Из стены появляются филантроп КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ и доктор ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Древние римляни могли предаваться веселью недели напролёт. Читаем у Сенеки... А? Что? Уже пришли? А где она, где маленькая фея?

ОЛЬГА. Корнелий Александрович, вас как раз и не хватало. Нет сил уже от этих разговоров о политике...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. И обязательно примите капли, Ольга Исааковна. Без девятнадцати капель я за ваши нервы не ручаюсь.

ОЛЬГА. Какие тут нервы – ошмётки одни.

НАСТЯ. Я накапаю.

ЯНА. А голым между прочим ходить в гости неприлично.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. То есть как голым?

ЯНА. Или вы считаете, что немножко мха там-сям это одежда? Боже, какой конфуз!

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Позвольте! Где же вы видите, что я гол?!

ЯНА. Вы лешегость?

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Какой такой «лешегость»?

ЯНА. А отпираться некрасиво. Отпираться стыдно. Нарастили на себе мха и уже хвост трубой?

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Какой, позвольте, хвост?!

НАСТЯ. Да она шутит. Яна нас тут так развлекала, вы бы видели... Оль, возьми капли.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Если меньше девятнадцати – не подействуют.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Что же это такое, приглашают уважаемого человека и над ним шутят...

НАСТЯ. Яна, перестань. Видишь, Корнелий Александрович обиделся.

ЯНА. Ну ладно... (*Пауза*). Ну ладно! Глубокоуважаемый лешегость, у вас прекрасный, замечательный мох! Всё?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. (*Смеётся*). Ну я же говорил – ангел...

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. А я, давече, в городе в театр ходил, на...

ОЛЬГА. Ой, ну что театр? Что театр? Разговоры, разговоры... А про что, зачем? Нет, главное зачем? И взрослые ведь люди. А не дай бог ещё танцы начнут, издевания, условность... Нет... Пустота. (*КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ разводит руками*).

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Странно: гости в сборе, а именинницы – нет.

ЯНА. Чу... Я слышу звук приближающегося Геттатрясения... Ложись!

Пауза.

С неба как бомба падает ЖОЗЕФИНА.

НАСТЯ. Жозефина...

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Без номера не пустим! Не пустим, господа? Не пустим!

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Просим...

ГОСТИ. Да, просим, просим...

ЖОЗЕФИНА исполняет номер кабаре.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Bravo! Брависсимо! Большой талант большой артистки.

ГОСТИ. Bravo!

НАСТЯ. Сейчас будет шампанское... Что же оно так туго...

ОЛЕЖКА. Я помогу.

ОЛЬГА. Лучше отойти. Олег из всего может сделать теракт.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Вот этого мы не допустим. Закон не дремлет...

ОЛЕЖКА. Не открывается...

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Ну кто же так открывает? Вы же убьёте себя. (*Берёт у него бутылку*). Вот, проволочку раз, два, три... А, запахло Парижем!

ОЛЕЖКА. Я просто хотел помочь... Настя...

НАСТЯ. Бокалы, все подставляем бокалы.

ОЛЬГА. А после моих адских капель можно?

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Можно. После капель всё можно.

ЯНА. А мне в кружку!

ЖОЗЕФИНА. Ольга, вам принести. Пожалуйста.

ОЛЬГА. Сопьёмся мы здесь... Доктор, а вы?

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Мне бы водочки. А эту дрянь с роду не пивал. Вспучит – и весь эффект.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Тост. Созрел тост!

ЯНА. У лешегося – лешетост...

НАСТЯ. Тише, тише...

Все затихают. Пауза.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Повод, по которому мы сегодня собрались – прекрасен. Тринадцатый день рождения Генриетты Оскаровны. И хоть её сейчас с нами нет – а, быть может, это и к лучшему. Ибо... У всех налито?

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. *(НАСТЯ подаёт ему рюмку с водкой)*. Теперь у всех.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Ибо перед нашими глазами проходит та удивительная пора взросления и созревания... Э... Когда фантастическая метаморфоза... И почка превращается в цветок, а куколка в бабочку. Вы понимаете о чём я говорю... За это и выпьем.

Аплодисменты, все пьют. Неожиданно появляется ГЕТТА, которая, оказывается, всё это время здесь пряталась.

ГЕТТА. Как я вас всех НЕНАВИЖУ!

Пауза.

III.

Прошло время... НАСТЯ, ОЛЬГА и ЯНА в доме.

НАСТЯ. В столице опять беспорядки. Говорят, ситуация революционная. Вчера газету купила, там, правда, ничего. Олег в город поехал, митинговать. Волнуюсь, как бы чего не вышло...

ОЛЬГА. А что может выйти? С таких, любая беда – как с гуся вода.

НАСТЯ. В прошлый раз вот так же поехал: день нету, два, три... Я испугалась: и в больницах, и в морге справилась. Даже Пал Палыча упростила, чтобы он по своей жандармской линии проверил. Чуть не извелась. А ему оказывается, остолопу, десять суток дали. Отсидживал... И тоже за какую-то революцию. Ты точно решила ехать?

ОЛЬГА. А за сигаретами так и не сходили. И блокнот Гетта не отдала.

НАСТЯ. Забыла. Надо записывать. Столько дел, столько людей. За что нихватишься, ничего не успеваешь.

ОЛЬГА. Погостила – хватит.

НАСТЯ. А за сигаретами я ходила – да всё закрыто, выходной там что ли...

ОЛЬГА. Здесь вся жизнь – выходной. Вся жизнь – праздник. Дни рождения... Чаи... Посиделки... Не могу. Да и духота эта меня убивает. В Питере прохладно. Ветер с Финского солёный, взрослый, настоящий. Да и писать здесь не могу...

НАСТЯ. Опять двадцать пять.

ОЛЬГА. Капли эти проклятые совсем помогать перестали.

НАСТЯ. Брось... Куда флаг этот повесить ума не приложу. А не повесишь – обидется. Ох-ох-ох...

ОЛЬГА. Влюбилась? Да?

НАСТЯ. И каждый день гости, гости... А это готовь всё. Даже чай. Столько времени... Вчера посмотрела, а у меня на столе книги пыльные. Никогда такого не было, чтобы книги непрочитанными пылились.

ОЛЬГА. Да брось ты эту тряпку!

НАСТЯ. Оль...

ОЛЬГА. В него?..

НАСТЯ. А я так думаю, оно всё к лучшему. Так ты когда выезжаешь?

ОЛЬГА. Только, Настя, ты Олега этого за нос не води. Раз другого любишь, скажи ему... А то изведётся. *(Пауза)*.

НАСТЯ. Я... кажется, в саду Гетту видела. Совсем о ней забыли! Плохо... Чёрствые мы всё-таки, чёрствые...

ОЛЬГА. Насть!

НАСТЯ выбегает. Появляется ЖОЗЕФИНА.

ЖОЗЕФИНА. В саду, дело ясное, никого нет. А потому в саду реветь хорошо. Выть, как белуга. Сопли пускать и всё такое... *(Протягивает ОЛЬГЕ фляжку)*. Будешь?

ОЛЬГА. Доктор запрещает.

ЖОЗЕФИНА. Всё этот ваш доктор... Доктор, доктор... Нашёлся ребус. Что это за ним все так бегают?

ОЛЬГА. Кто бегают, смешно...

ЖОЗЕФИНА. Тебе понравилось, как я пела?

ОЛЬГА. И доктор он, кстати, замечательный. Прозябает здесь... В Питере был бы богатым человеком. А здесь тонет в этом болоте... И никому дела нет. Никому.

ЖОЗЕФИНА. Когда-нибудь я буду петь в Париже.

ОЛЬГА. Все мы там будем... Когда-нибудь. Жозефина, ты не понимаешь: такая рутина, такая мелкота. Жизнь проходит... Уже прошла. Ничего не сделано, не написано. Последние сорняки, и те в пасти у этой маленькой хищницы Гетты.

ЖОЗЕФИНА. Хочешь, я её придушу? Ради тебя.

ОЛЬГА. Сил нет...

ЖОХЕФИНА. Ради тебя. Только ты не уезжай.

ОЛЬГА. Сил нет... Да кто уезжает? Разговоры, разговоры...

ЖОЗЕФИНА. Скучно жить нельзя. Скучно живут животные. Коты, собаки, клопы: жрут, спят, совокупаются,дохнут. А люди выше, потому что жить могут интересно. И понимать, что живут интересно. А скуки не бойся, скуку мы башмаком!

ОЛЬГА. Что же мне, приключения на свою голову искать что ли?

ЖОЗЕФИНА. Я смешная. Со всех сторон я интересная. Я буду тебя развлекать.

ОЛЬГА. Ну вот ещё...

ЖОЗЕФИНА. Да.

ОЛЬГА. Ну вот ещё, нашла барыню...

ЖОЗЕФИНА. Петь буду, плясать. Разыгрывать интермедии. Всё! Может, он хоть немного выскочет у тебя из головы?

ОЛЬГА. Кто? Жозефина, ты бредишь! Кто?

ЖОЗЕФИНА. Он. А он – недостойн.

ОЛЬГА. Себя запутала... Меня запутала... Заблудились между трёх сосен. Сегодня в голове вертелось какое-то стихотворение. Бумагу не нашла. Стихотворение забыла. В общем, какая-то бессмыслица...

ЖОЗЕФИНА целует ОЛЬГУ в губы.

ОЛЬГА. Никому не говори.

ЖОЗЕФИНА. Не скажу.

ОЛЬГА. Вспомнила... Стихотворение. Надо записать. За мной никто не идёт. (ОЛЬГА уходит).

IV.

Появляется ЯНА.

ЯНА. Брысь!

ЖОЗЕФИНА пугается и улетает вверх.

ЯНА. (Напевает). Жозефина – Жозе-скотина! Жозефина – Жозе-скотина! (Видит флаг). Из такой прекрасной тряпочки сделали такое ужасное будущее человечества. Флаги не вешают на флагштоки, их сажают на кол. И они там трепыхаются, извиваются... А-а-а-а! Им стыдно и больно! А-а-а-а! Они трясутся как паралитики, как безумные, и на это все смотрят! И хлопают! И гордятся! А-а-а-а! (Резким движением вытаскивает ГЕТТУ, которая опять всё это время прятась здесь. Гетта пытается вырваться). Кто это у нас здесь? Геттосучки! Сидеть! Я сказала, сидеть! А по морде! Куда? От меня ещё ни одна Геттосучка не убежала! Сидеть! Теперь, служить! Ну кто так служит? Яночка научит тебя служить... Ай! Кусаться не хорошо!

ГЕТТА. Пусти!

ЯНА. Нет, Геттосучка, нельзя. Ну подумай сама, Геттосучка должна служить. Вот так... (Ставит ГЕТТУ на колени, привязывает). Вот так... Будешь служить твоей хозяйке.

ГЕТТА. Убью.

ЯНА. Хорошая Геттосучка, злая. Будешь охранять дом. А то приходят всякие лешегости, чумазцы, пирогчай... А ты их будешь кусать, и они будут нас бояться. Слушай, Геттосучка, а слюна у тебя часом не ядовитая? А то можно как у гадюк, цедить и продавать.

ГЕТТА. Лучше пусти, а то потом убью!

ЯНА. Только вот зимой плохо. Замёрзнешь на цепи-то. Будем тебе шерсть отращивать как у лайки. Станешь красивая-прекрасивая... Геттосучка сивая. Ай! На тряпочку, на. Смотри какая тряпочка...

ГЕТТА. Сдохни!

ЯНА. Ну чего ты такая злая? Ты что, не понимаешь, что злой быть очень плохо. Во-первых, люди перестают тобой восхищаться. А зачем жить, если люди тобой не восхищаются? Во-вторых, это глупо. В-третьих, скучно. Да ты сама всё

понимаешь... Ты ведь умная Геттосучка? Вот посмотри на меня. Я добрая, поэтому меня все любят. А тебя – терпят. Ну пожалуйста, давай будем добрыми! Хотя бы в тайне... Мы никому не скажем, какие мы добрые. Добрые-предобрые... Ну прямо два ангела!

ГЕТТА. Отпусти!

ЯНА. А ты согласишься быть доброй, тогда... подумаю. (*Пауза*). Ох, а зима нынче, ох, студёная... А добрые всегда в тепле, накормленные... И сладостей у них много... И поклонников... И денег...

ГЕТТА. Не хочешь отпустить – как хочешь. Тогда я всем расскажу твою тайну!

ЯНА. Дрессура – очень сложная наука. Особенно геттодрессура, где, как известно, изучаются методы дрессуры особенно непослушных геттосучек. Правило первое – только добром. Никакого насилия... Я вообще против насилия. (*ГЕТТА пытается вырваться, ЯНА не даёт*). Бяка – это ваше насилие! Правило второе – меньше пустой болтовни. Ужасно не люблю, когда люди много болтают, особенно если попусту. Ну зачем просто так трепать языком? А? Казённый он у тебя что ли? Не понимаю...

ГЕТТА. Испугалась! Я одна знаю, что ты его любишь. Я видела.

ЯНА. Кажется, во мне снова просыпается черешнеубийца. Ой-ёй-ёй...

ГЕТТА. Влюбилась до смерти! Даже он не знает. Я ведь могу и донести. И Насте, и Ольге, и...

ЯНА. Я слышала, непослушных детей пристреливают.

ГЕТТА. Не пойму только, что же это вы все так подурели? Не кошки, всё-таки, чтобы в одно время течь. Да уж и не апрель...

ЯНА. М-да.

Пауза.

ГЕТТА. Отвязывай.

ЯНА. А время-то уже, ой-ёй-ёй... Я исчезаю. (*Поднимается в воздух, делает круг и улетает*).

ГЕТТА. Ты куда? Отвяжи меня! Отвяжи меня! (*Начинает реветь*). Отвяжи меня... Ну по-жалуй-ста-а-а-а.... У-у-у-у! Как же я вас всех ненавижу...

V.

Появляются НАСТЯ и ОЛЬГА.

НАСТЯ. Гетта, девочка моя, что с тобой? Кто это сделал? Оль, ты глянь... Ужас какой. Покажи руки. Я трогать не буду, покажи. Наверняка синяки останутся... А у меня ни мази никакой, ни пластыря...

ОЛЬГА. Само заживёт. У детей это быстро.

НАСТЯ. (*ГЕТТЕ*). Кто это сделал? Яна?

ГЕТТА. Не скажу.

НАСТЯ. Ну я ей задам! Это она тебя привязала?

ГЕТТА. Не скажу.

НАСТЯ. Ты не должна от меня ничего скрывать, иначе я не смогу тебя защитить.

ГЕТТА. Не скажу.

НАСТЯ. Ну что ты будешь делать...

ОЛЬГА. Боже, где люди берут столько упрямства? В апреле ходила к издателю... Про себя решила, буду просить денег: тысячу, только тысячу, и не на йоту меньше... А увидела его и смякла. Подписала бесплатный договор... А Вера, ну Вера Игнатьева выбила. Ох...

НАСТЯ. В моём доме никто никого пытаться не будет! Тоже мне, удумали...

ОЛЬГА. Гетта, ты случайно не видела мой блокнот? Коричневый такой, кожаный...

ГЕТТА. Не скажу.

ОЛЬГА. Ну видела же, по глазам вижу – видела. Верни мне, а я тебе монету дам.

НАСТЯ. Верёвки эти надо выкинуть. Откуда они вообще здесь взялись?!

ОЛЬГА. А если не монету, хочешь брелок или бусы. У меня есть расчудесные коралловые бусы. Прямо со дна моря... Чувствую себя, как будто выпрашиваю у ребёнка самое дорогое за безделушки. Но блокнот ведь мой!

НАСТЯ. А где Яна? Где она?

ГЕТТА. А она там с вашим доктором целуется! (*Бросается бежать*).

НАСТЯ. Гетта! Ну вот...

ОЛЬГА. Боже, как она кричит... У меня от этого крика сердце...

НАСТЯ. А что, Григорий Фёдорович уже здесь? Я его не видела.

ОЛЬГА. Врёт. Не понимаю, как можно быть такой маленькой и такой испорченной. Ну конечно врёт...

НАСТЯ. Убежала... Ни «здрасьте», ни «до свидания». Ты посиди здесь, я сейчас. (*Уходит*).

ОЛЬГА. Настя... И она туда же.

Пауза.

VI.

Из земли появляется ОЛЕЖКА.

ОЛЕЖКА. Ольга, здрастье. Вы одна?

ОЛЬГА. Ну заходите, раз пришли... Заходите... Видно сегодня день такой – одни мучения. Сигареты есть?

ОЛЕЖКА. Крепкие.

ОЛЬГА. Тем лучше. Как-то нелепо травить себя по-немножку. Сегодня весь день болит голова. Я носом чувствую, будет дождь. Вот увидите, будет-будет... Это у меня наследственное... Ой...

ОЛЕЖКА. Я...

ОЛЬГА. Ну вот опять, всё о себе и о себе. И главное, одни глупости. Олег, если бы вы знали сколько глупостей я сегодня выслушала. И это за один день! И главное, как работать? Мы думали, вас в тюрьму посадили...

ОЛЕЖКА. На улицах такое творится... Народ, наконец, понял...

ОЛЬГА. Ну что он понял? Что он такого понял? Народ... Понял ещё что-то... Нет, я не вмешиваюсь, это ваши дела, ваша стихия... Баррикады, улицы, почта,

телеграф. Я же жду, когда революция произойдёт здесь (*указывает на сердце и на голову*)... Здесь и здесь. Вы голодный?

ОЛЕЖКА. Да, но это не важно... Я искал Настю.

ОЛЬГА. Настю. Ну конечно, Настю...

ОЛЕЖКА. Вы знаете, я люблю её.

ОЛЬГА. Не знаю, и знать не хочу. Эпидемия это, что ли?

ОЛЕЖКА. Всё время думаю о ней. Она же совсем одна, и справляется с таким огромным домом. Я восхищаюсь её трудолюбием, её умом, здравым смыслом.

ОЛЬГА. Кто бы восхитился моим больным бессмыслием... А? Ничего, продолжайте, продолжайте... Наверное, долго тренировались, чтобы всё это выпалить?

ОЛЕЖКА. Я всё думаю, что должно быть во мне, чтобы она посмотрела на меня серьёзно? Как мне дотянуться до её уровня ответственности? До...

ОЛЬГА. Что вы от меня хотите? Что вы все от меня хотите?

ОЛЕЖКА. Очень трудно встретить человека, девушку, который был бы реальным, если вы понимаете, что я имею ввиду. Крепко стоял бы ногами на земле.

ОЛЬГА. Так вы там победили или нет, я не пойму?

ОЛЕЖКА. Борьба продолжается. Коррупцированная верхушка обеими руками держится за власть.

ОЛЬГА. Ну это понятно.

ОЛЕЖКА. Но недолго им осталось.

ОЛЬГА. Вот и займитесь этим, Олег, займитесь. Раз вы удовольствие от этого получаете. Настя влюблена. Давно. В человека, который её не любит. Я не скажу вам кто он, да это и неважно. Это совершенно неважно. Но... У вас же есть баррикады. У меня вот, например, нет ничего...

Пауза.

Возвращается НАСТЯ.

ОЛЬГА. Настя, вот Олег, живой, здоровый, голодный... Замучал меня уже своими признаниями.

НАСТЯ. Какими признаниями?

ОЛЕЖКА. Да, в общем, никакими...

ОЛЬГА. Все вот так, сначала – герои, а чуть что – на попятную... Он там?

НАСТЯ. Кто-то оставил бельё на верёвках. И Гетта порезала его: висит лоскутьями. Две наволочки, простыня... Она хотела написать что-то... Я отчётливо различила «Ю». Что может означать «Ю»?

ОЛЕЖКА. «Люблю».

ОЛЬГА. Или «Убую».

НАСТЯ. Они так трепетали, эти лоскуты. А наволочку вдруг сорвало, и она улетела. Как белая птица...

ОЛЬГА. Иногда тебя должны порвать в клочья, чтобы научиться летать.

С неба падает цветочный горшок.

НАСТЯ. Ну вот опять. Только убрала... Пыль, грязь...

ОЛЬГА. Это к осени.

ОЛЕЖКА. Настя...

НАСТЯ. Вы же видите сколько дел. Этот дом отнимает столько... Ах, глаза закрыть... Да ещё всё валится из рук. Чувствую себя неумехой. А вам, Олег, надо быть осторожнее. Серьёзнее. Политика – это, конечно, хорошо. Новая жизнь, счастье – мы все желаем вам в этом успеха. Но прежде всего вы сами. Мы не должны лишиться вас...

ОЛЬГА. Осторожность во всём – вот мудрейший из советов.

ОЛЕЖКА. Но...

ОЛЬГА. Осторожность.

НАСТЯ. (ОЛЬГЕ). Так ты останёшься?

ОЛЬГА. Остаюсь – уезжаю. Боже, какие глупые категории. Мы все остаёмся на этой несчастной планете, и все отсюда уедем. Наверное, следует сказать, я жду порыва ветра...

НАСТЯ. Тогда я пошла готовить ужин.

ОЛЬГА. Я – в сад. Хочу увидеть эту «Ю». А вы, Олежка, оставайтесь, оставайтесь. А то подумаете ещё, что вас гонят.

НАСТЯ и ОЛЬГА уходят.

VII.

ОЛЕЖКА остаётся один, появляется ГЕТТА.

ОЛЕЖКА. На улицах идёт борьба. Ты слышала об этом?

ГЕТТА кивает.

ОЛЕЖКА. Я верю только в молодёжь. В молодых больше энергии. Молодёжь – злая, она требует! Требует всего и сразу! Я представляю, как осточертело тебе это мещанство. Ты должна ненавидеть такую жизнь.

ГЕТТА кивает.

ОЛЕЖКА. Я тоже её ненавижу. У нас достаточно общего, чтобы бороться вместе. И победить.

ГЕТТА улыбается. Кивает. Затем вдруг со всей силы бьёт его ногой между ног и убегает. ОЛЕЖКА валяется на полу и стонет.

В воздухе как птицы пролетают газеты.

VIII.

*Сквозь стены появляются жандарм ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ и филантроп
КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.*

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. ...И представьте себе, о беспорядках сообщили даже в государственной газете. Значит, сажусь, читаю передовицу, затем международный обзор, культуру, спорт, и тут, представьте себе, натыкаюсь на заметку толщиной в два пальца...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Пустое.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Дай бог.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Вот мы вчера ловили фальшивомонетчиков, и хоть бы кто доброе слово... Неблагодарная, скажу вам, профессия. Одна радость – пенсия. (*Видят ОЛЕЖКУ*).

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Олег Львович, голубчик, вы бледны. По городу уж слухи пошли, что вас за вашу деятельность к стенке...

ОЛЕЖКА. Смотрите, чтобы после революции вас к стенке не поставили.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Всё вы ваши сказки.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Действительно, хватит о дурном. А вы ангела Генриетту Оскаровну не видели? А то я ей гостинчик принёс. Специально, можно сказать, из Варшавы заказывал.

ОЛЕЖКА. Видел.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Кстати, фальшивомонетчиками оказались люди совсем не из нашей местности. Из Закавказья что ли...

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Дети нуждаются во внимании. Я читал много учёных трудов по педагогике.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. А у меня скоро отпуск начинается, вот думаю, куда поехать.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Глупости. Лучшей здравницы, чем наши местные озёра и не придумаешь. Патриотом нельзя быть только на работе.

ОЛЕЖКА. А вы куда ездите?

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. В Лондон, но для вас это будет дорого.

Пауза. С неба снова падает цветочный горшок.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Олег Львович, можно вас на минутку?

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Всё-таки прекрасна и поучительна история нашего отечества, господа. Сокровищница, Троя! А мы, вместо того, чтобы пить из этой криницы, всё, так сказать, засрали...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Олег Львович, хочу поговорить с вами доверительно. Хоть официально вы для меня представитель вредной идеологии... Потенциальный, да что потенциальный, преступник.

ОЛЕЖКА. А вы...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Даже не утруждайтесь. Знаю. Уважаю. И, но это конфиденс, по мягкости своей природной даже в чём-то согласен. Но вы тоже должны меня понять. До пенсии вот, носком дотянуться. Семь лет. У нас это рано... А я, в конце концов, лично никого не убиваю.

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. А ведь какие были традиции, какие мудрые традиции! Господа, белиссимо! Девочек в жёны начинали готовить с самого

детства. Девочки ведь как цветы, их ещё, когда они вот такие росточки, надо поливать, укрывать, чтобы созрели, распутились... Ну разве это не разумно, господа? И именно те их пестили мужики, которые их потом в жёны и возьмут. Кто садовник – тому и цветок. Это, я понимаю, мудрость... Вот это логика...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Эх, к чёрту условности. Вы, вероятно, познали такой плод как любовь. Тогда вы меня поймёте. Я влюблён в одну из обитательниц этого дома.

ОЛЕЖКА. В кого?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Что ж, вам и имя назвать?

ОЛЕЖКА. Сделайте одолжение.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Это... Самая красивая женщина. Э... И в её имени заключена буква «я».

ОЛЕЖКА. Бросьте ваши шарады! Мужчина вы или нет? Назовите вашу избранницу.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Яночка...

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Вот взять хотя бы Генриэтту Оскаровну. Какой растёт чудный ребёнок. Но совершенно без мужского присмотра. Вот если бы по старым обычаям: умер батюшка, царствие небесное, так отдайте дитя на воспитание опытному, доброму мужчине. Который и взрастит из неё примерную жену. А то дни и ночи влачишь один, в огромном доме: никто не засмеётся залиvistым детским смехом, никто не прыгнет, не заёрзает на коленках, никто не попросит кружку пенного, парного молока...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. И что самое удивительное, в Яночкиных выходках, шалостях, я нахожу некоторую особенную приятность. А что дальше делать не знаю. Я, вы знаете, признаться, по характеру – пудинг. Рохля. А она меня чем-то как будто заряжает.

ОЛЕЖКА. Я вам отвечу только потому, что мы сейчас находимся за идеологией. В любви все мужчины – братья. Так что мой совет, как брату, решайтесь. Или вы признаётесь и делаете предложение, или – конец!

С неба снова и снова падают горшки и другие предметы...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Сейчас?

ОЛЕЖКА. Сию же минуту!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Но я же не готовился...

ОЛЕЖКА. Бросьте! Представьте, что это срочная полицейская операция.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. С особо опасным, политическим?

ОЛЕЖКА. С особо опасным, политическим... Как я.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Тогда легче. Операция.

ОЛЕЖКА. Вы в засаде, выслеживаете...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Кого?

ОЛЕЖКА. Его, то есть... Её.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Её. Я умею устраивать засады. Однажды я три дня поджидал одного скупщика краденного. Правда его в другом районе взяли... В Брянске.

ОЛЕЖКА. Она придёт сюда. Обязательно придёт. Корнелий Александрович?

КОРНЕЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Увольте, господа, я в эти игры не играю. Что мы, дети? Вот мой презент, и я с вашего позволения, откланяюсь. (*Уходит сквозь стену. ОЛЕЖКА помогает ПАВЛУ ПАВЛОВИЧУ спрятаться*).

ОЛЕЖКА. Так даже лучше. Ждите, она обязательно появится. Ждите!

ОЛЕЖКА залазит в нору и исчезает под землёй.

IX.

ЖОЗЕФИНА медленно опускается сверху, неожиданно в воздухе её атакует ЯНА и заставляет приземлиться. Они смотрят друг на друга, как будто смотрятся в зеркало.

ЯНА. Сучка.

ЖОЗЕФИНА. Курва.

ЯНА. Стервь!

ЖОЗЕФИНА. Морда.

ЯНА. Пьянь.

ЖОЗЕФИНА. Блядь.

ЯНА. Подстилка.

ЖОЗЕФИНА. Блядь.

ЯНА. (*Резко меняя тон*). Добрая...

ЖОЗЕФИНА. Милая.

ЯНА. Светлая.

ЖОЗЕФИНА. Тонкая.

ЯНА. Кровь с молоком.

ЖОЗЕФИНА. Жемчужина.

ЯНА. (*Снова резко меняет тон*). Ненавижу!

ЖОЗЕФИНА. Убью!

ЯНА. Разорву!

ЖОЗЕФИНА. Уничтожу!

ЯНА. Задавлю!

ЖОЗЕФИНА. Уничтожу!

Пауза.

ЯНА. Руки покажи.

ЖОЗЕФИНА. Нет.

ЯНА. Руки покажи.

ЖОЗЕФИНА показывает.

ЯНА. Ногти короткие и гладкие, как у скрипача. Гладенькие...

ЖОЗЕФИНА. Это практично.

ЯНА. Гладенькие... Так и хочется их поцеловать, да в рот засунуть. За щеку. Мама говорила, я до десяти лет всё любила леденцы сосать. И не потому, что сладкие. А потому, что гладкие. Сосу, сосу, да и надкушу.

ЖОЗЕФИНА. Ай!

ЯНА. Страсть мне нравилось, когда леденец во рту хрустит.

ЖОЗЕФИНА. Я в этой стране сойду с ума. Никакого комфорта! Вчера пошла к нему, к парикмахеру, а у него – на ножницах грязь! Нет, нет, нет! Когда грязные ножницы, я не стригусь. Нет, нет, нет! Мыл их при мне детским мылом трижды. Я бы уехала... Ветер попутный – расправь крылья и лети... Я бы уехала, но...

ЯНА. А у Ольги-то...

ЖОЗЕФИНА. Что?

ЯНА. А у Ольги-то пальцы совсем другие. Ногти совиные, отточенные. Она когда обнимает, как будто сквозь розовый куст продираешься. Пахнет и колется. У неё-то пальцы непрактичные, она ими рифмы в косы заплетает...

ЖОЗЕФИНА. Уже и билеты четырежды заказывала, а потом увижу её и отменю.

Две стрижки я здесь – волосы вот так отрастали. Две стрижки – целая вечность.

ЯНА. Бесполезная Жозефина...

ЖОЗЕФИНА. Почему? Развлекать людей – тонкое призвание.

ЯНА. Жозефина – Развлекина. Весели нас Развлекина...

В комнате начинаются странные изменения: огонь возгорается сам собой, а в самой комнате сгущаются облака – дело к грозе...

ЖОЗЕФИНА. У неё характер – жгут. А во взгляде – Нотр Дам де Пари. Только женщина сможет её оценить. Оценить – да, и защитить. Мужчины – не тонкие.

ЯНА. Но ведь пальцы у неё непрактичные...

ЖОЗЕФИНА. Мужчинам проще поверить в марсиан, чем в женский талант. Они все верят в марсиан... А она даже не талант, она – гений. И в каждом жесте её, в каждой линии, и даже в смятии воздуха, и в вязанном платке на плечах, и сигарете, и пряди волос на лице – она гений.

ЯНА. Не хочу слушать эти несуразности. Всё время какие-то несуразности. Что же это – чемпионат? Ты совсем забылась, Развлекина. Твоё место на эстраде. Прошу! Аплодисменты!

ЖОЗЕФИНА. Я ей говорю – уезжай. Там хорошо... Там «Шанель», круассаны...

Музыка, музыка, музыка... Там все любят стихи. Музыка, музыка, музыка...

ЯНА. Не могу больше это слышать!

ЖОЗЕФИНА. Яна...

ЯНА. Не хочу. Об этом нельзя так говорить, об этом нельзя так молчать. Никто не понимает. Слепые и умолишёные! Любовь, любовь, любовь! Любовь – это когда никакие силы больше не действуют. Это обратная сторона смерти. Чуть, чуть дальше смерти. Там нельзя шёпотом. Нельзя тайком. Там кричат от боли и наслаждения! Кричат!

ЖОЗЕФИНА. Я могу кричать. Я могу ей кричать! Научи меня!

ЯНА. Кричать! (*Что есть мочи*). А-а-а-а!

ЖОЗЕФИНА. (*Повторяет*). А-а-а-а!

ЯНА. Громче! А-а-а-а!

ЖОЗЕФИНА. А-а-а-а!

ЯНА. Вот так, иначе это не любовь! И чтобы от конца волоса до пяток! Люблю!

ЖОЗЕФИНА. Люблю!

Кричат одновременно.

ЯНА. Я люблю Григория Фёдоровича!

ЖОЗЕФИНА. Я люблю Ольгу!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. *(Не выдерживает и тоже кричит)*. Я люблю Яну!

Во время крика, как огромная белая птица, в комнату влетает разорванная в лохмотья простыня, на которой отчётливо вырезана буква «Ю».

Пауза.

ЯНА. Тихо! Тсс... Разорались тут. Хм... Никакой культуры.

ЖОЗЕФИНА. Но...

ЯНА. Тсс. Если так дальше пойдёт, я тоже себе сделаю гладкие ногти. На руках и ногах. Тсс! И у стен есть уши.

ЯНА растворяется в воздухе. ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ плачет. ЖОЗЕФИНА видит его.

ЖОЗЕФИНА. Не плачь. У меня нет жалости к мужикам. Они заслуживают только развлечений.

ЖОЗЕФИНА начинает петь... ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ слушает, затем выбегает.

Х.

Входит ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Bravo, bravo! Песенки, это знаете, шармант. Песенки освежают. *(ЖОЗЕФИНА улетаёт вверх)*. Куда же вы? Жозефа? *(Достаёт блокнот, начинает записывать)*. Так-с... Не забыть поразмышлять о терапевтической природе песен. Особливо шансонных и народных. Хм, а из сиих рассуждений может выйти недурная монография. А то и, смотри, чего-нибудь похлеще...

Входит НАСТЯ.

НАСТЯ. Никогда не знаешь, кто и где находится в этом доме. Шастают здесь, как привидения... Дверей много. Окон много. И сторон света четыре, не считая верх и низ.

Двери и окна начинают странное движение по стенам...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Вот вы, Настасья Александровна, говорите – двери. Так ведь двери у вас все – настеж. Иными словами, пардон, нараспашку. Заходи и бери. Вот, что плохо лежит, то по нашей славянской привычке и бери. А то и иное злоумышление учинить недалеко...

НАСТЯ. Отец мой никогда ничего не запирал. Говорил – верю в добрую природу человеческую.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Да как же верить, как верить, если все у нас вокруг – симулянты. Все до единого...

НАСТЯ. Да не об том речь.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Уже замучился я с этими симулянтами.

НАСТЯ. Да, да...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. И всё более, знаете, изошрённые. Всё более, знаете, такие-этакие. Один пришёл, говорит...

НАСТЯ. Времена, что ли, такие, что верить в добрую природу человеческую всё труднее. Так разве это от времён должно зависеть?

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Кузнец. Рассёк себе кисть топором, заживает на нём быстро, как на собаке. А он говорит мне – пухнет. Зудит. А я ему, «ты верно сам, брат, расчёсываешь, потому что любопытно».

НАСТЯ. Григорий Фёдорович, знали бы вы как тяжело вести одной этот дом. Я по утрам встаю и думаю: вот ты, а вот – дом. Один на один.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Очень хорошо вас понимаю.

НАСТЯ. А этот дом требует иного... Он требует основательности, он требует хозяина, а не слабой, полоумной почти хозяйки... И вот...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Что же вы замолчали?

НАСТЯ. В словах всё так опошляется. Мысль, чувство, вера, надежда... Любовь.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. А по-другому и не понять ничего.

НАСТЯ. Взрослые люди, а горю вся как институтка на экзамене.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Это кровавое давление.

НАСТЯ. И сердце... рвётся наружу. К вам... В ваши руки...

Входит ОЛЬГА. Из пола начинает прорасти дерево, на котором распускаются цветы...

НАСТЯ. Оль...

ОЛЬГА. Вижу.

НАСТЯ. Не злись.

ОЛЬГА. А чего мне злиться? Григорий Фёдорович, эта женщина любит вас. Любит вас давно и беззаветно.

НАСТЯ. Оля, пожалуйста...

ОЛЬГА. А я, представьте себе, уезжаю. Думаю, что жизнь зря прожигать. Работа... Только работа способна спасти нас от мещанства и рутины... Искала свои чемоданы... Один – дырявый. Дыра вот такая, с кулак. Вечером и уеду.

НАСТЯ. Куда, на ночь глядя...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Вечером у нас небезопасно.

ОЛЬГА. Ночью дышится легче. Ночью – светло.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Хм, это же оксюморон какой-то.

ОЛЬГА. Именно. Сочетание несочитаемого.

НАСТЯ. Какие глупости удумала. Я тебя не пущу! Григорий Фёдорович, выговорьте её, она вас послушает.

ОЛЬГА. Женитесь на Насте, Григорий Фёдорович.

НАСТЯ. Не слушайте её...

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. И не подумаю, пока вы обе не выпьете капли. Капли, только капли – двадцать две. Нет, двадцать пять.

ОЛЬГА. «Из ваших рук хоть чашку яда...» Простите, я знаю, я банальна. Говорю какими-то стихотворными глупостями. Быть поэтом в наше время – смешно.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. *(Даёт ей капли)*. Пейте.

ОЛЬГА. Я знаю, смешно и нелепо.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Напрасно вы так. Не вижу здесь никакого анекдота.

ОЛЬГА. О, вы так великодушны. Да, вы добры и великодушны. Настя не даст мне соврать. А я больше скажу: вы себя здесь сжигаете. Ваш талант, ваше сердце. Злая и неблагодарная провинция не может, не умеет оценить вас. Здешний дух – кислота. Вы здесь гибнете. Мы все здесь гибнем... Насть, плачешь? Насть... Ну успокойся, я скоро уеду. И вы будете счастливы.

Появляется ЯНА. Она вешает луну на небо, так, чтобы она светила вместо лампы... Стены и потолок изгибаются, -- купол словно в храме...

ЯНА. Женщины хитры, эгоистичны и хотят только одного. Они как кошки. Ластятся, ластятся, а отвернёшься – цап!

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Яночка, в такую погоду надо одеваться теплее.

ЯНА. А я не боюсь признаться. Я не хочу кривляться, напускать туман. Доброта, великодушие, таланты – на свалку. Женщин интересуют деньги и постель.

НАСТЯ. Боже, что она говорит? Что она говорит? Яночка...

ЯНА. И в постели я научусь делать всё, чтобы вы были довольны. У меня молодое, красивое тело. Оно способно приносить невероятное, нечеловеческое удовольствие.

ОЛЬГА. Я её остановлю.

НАСТЯ. Зачем...

ЯНА. Мужчины счастливы, если на животе чувствуют щёку молодой девушки. Мои щёки тёплые, гладкие, мягкие, как персики... Хотите до них дотронуться?

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Я всегда считал этот дом особенным. Светлым... Я ведь человек простой. Можно сказать, даже обычный. И приходил в этот светлый, светлый дом ради встречи с прекрасными, удивительными цветами. И пусть вокруг политика, потрясения, здесь всегда свет и аромат. Но среди всех цветов есть бутон, который, как бы выразиться, для меня пахнет слаще, а лепестки нежнее... Вы уж простите за витееватость. И уж раз пришло время говорить на эту деликатную тему, теперь уж я возьму свою очередь. Но перед тем буквально несколько слов. Живу я очень просто. Супруга приставилась, и уж три года я влачу унылое существование вдовца. Встаю в семь утра, варю кофей, пью его с яишницею или вафлями. Делаю прогулку не меньше чем версту. Затем читаю газеты. Знаете, последнее время газеты внушают такую напряжённость. Оттого, что в обществе слада нет. Да и день, и вечер мой – не лучше. Так что хватать мне нечем. Но уж

коли говорить о будущем, вот и кольцо венчальное ношу, выбор сердца моего таков...

Пауза. Входит ГЕТТА с подносом. Всё в природе замирает.

ГЕТТА. Простите меня. Я была плохой. Теперь я буду хорошей. Извольте горячего шоколада...

ГЕТТА подносит ГРИГОРИЮ ФЁДОРОВИЧУ горячий шоколад.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ. Спасибо тебе, девочка. Всё-таки в любом ребёнке больше положительного. На то, так сказать, и детство. Вкусно... Мммм. Очень, очень вкусно.

ГЕТТА счастливо смеётся.

Затемнение...

XI.

Веранду густой пеленой заволакивают длинные лианы плюща, а по стенам ползут тени и трещины... Дом стареет. НАСТЯ, ОЛЬГА и ЯНА сидят в чёрном.

ОЛЬГА. Завтра уеду... Из издательства написали, что в этом году книга вряд ли выйдет. То ли очереди у них, то ли бумаги нет. Завтра соберусь и поеду.

НАСТЯ. Надо ужин готовить. Раньше всё жаловалась – корми столько. Без кухарки, мол, тяжело. Да всё гости, гости... А теперь вот готовить мало, ну час, а тяжелей во сто крат. Надо встать, а я заставить себя не могу. Спокойствие...

ОЛЬГА. Я помогу.

НАСТЯ. Сиди.

ОЛЬГА. Мой бабушкин нос говорит: свежо, похолодает.

ЯНА. Я предупреждала их, что всё кончится ужасающе. У меня было яновидение...

НАСТЯ. А уехать всегда можно. (ЯНЕ). Одень кофту.

ЯНА. Это не кофта. Это – я-на-кид-ка.

ОЛЬГА. Может, ты и права.

ЯНА. Яновидения – очень редкие явления. И никогда не врут. Они появляются только как сонное эхо.

ОЛЬГА. Что это за сонное эхо?

НАСТЯ. Аптеку так и не открыли. Кулиш откладывает, откладывает...

ЯНА. Это через восемнадцать секунд после пробуждения. Сон как будто возвращается. Но ведь ты уже проснулся – получается эхо. Тогда и случается яновидение.

ОЛЬГА. «Сонное эхо» – надо записать.

ЯНА. Мне привидилось, как черешни людей давят. И вообще всё смешивается, где люди, где черешни. Такой черешнебурелом.

ОЛЬГА. Сонное эхо... Когда Гетта отдала мне блокнот, стала всё перечитывать.

НАСТЯ. Ты пишешь? Так я окна открою, всё ж светлей.

ОЛЬГА. Перечитываю – и всё как будто китайская грамота. Что писала? Зачем? А страниц много-много... И всё пустота.

НАСТЯ. Это потому что не надо ни к чему возвращаться. Помните, как Олежка говорил, счастье – в будущем. А уж достигнем мы его или нет... Но всё в будущем...

ЯНА. Политическим чумазцам сейчас хорошо.

НАСТЯ. Ну что ты... Он сейчас человек занятой. В министерстве на важном посту. Один раз телеграмму прислал, правительственную, о том, что от прежнего антинародного режима осталась одна разруха.

ОЛЬГА. Разрухой начали, разрухой кончили... Славянский круг.

Пауза.

НАСТЯ. В человеке два стержня: память и надежда. От их твёрдости всё в нашей жизни зависит. Ох... Помните, как он чай пил: на блюдечке всегда два кубика рафинада и ложечка. Рафинад слева, ложечка справа. И перед первым глотком, он ложечкой так по кромке изнутри кружочек сделает...

ОЛЬГА. А я говорила: в Петербурге хорошим докторам цены нет. Платят сумасшедшие деньги, за совет даже...

ЯНА. Вот он – доктор, а такую боль, такую боль сейчас причиняет. Буду кричать.

НАСТЯ. Поздно.

ЯНА. Буду кричать...

ОЛЬГА. Жозефина из Парижа открытки шлёт. Последняя: маленький рисунок Тулуз-Лотрека: голая женщина лежит раздвинув ноги... Пошлость – а красиво... Пишет, что спит с натурщицами и показывает номера в лучших заведениях. А на уголке – кровь. И по-русски стала забывать: буквы маленькие, неразборчивые. Слова рвутся. Пишет мне, приезжай.

НАСТЯ. Сейчас многие путешествуют.

ОЛЬГА. Я ей даже отвечать не стала. Ну что тут отвечать? Что ни напишешь – на бумаге глупость. Время писем прошло.

ЯНА. А мне Пал Палыч Пирогчай написал. Письмо из жандармерии принесли, когда его бандиты убили. Чудное письмецо, совершенно в Пирогчаевском стиле.

НАСТЯ. Неисправима...

ОЛЬГА. Мы не лучше.

ЯНА. «Милая моя, свет мой Яночка! Вы не сердитесь на меня, что люблю я вас больше некуда! И даже о том голосил, согласно вашему рецепту. Надо сказать, что крик сей меня только в моём чувстве укрепил. И теперь о любви моей могу кричать где угодно, хоть на каждом углу, но только в свободное от работы время. Выходите за меня замуж»... И вот целое письмо такими словами. Ну зачем вот это всё писать?

ОЛЬГА. И во всём он прав был. Я ведь тоже симулянткой оказалась. Нервы, нервы... А без капель прекрасно успокаиваюсь. Да и сам умер совершенно здоровым человеком...

ЯНА. А принесли письмо два сержанта: щёки красные, под носом – пушок, ну вылитые карапузы. Так мол и так, от Пал Палыча. Покойника. А я им: «отлично,

буду писать ответ». Тут лица у них и вытянулись. А я говорю: «Без ответа никак нельзя. Не вежливо!» И написала: «Так мол и так, на свадьбу согласна. Пусть присылает сватов». Хоть немного развеялась...

Пауза.

НАСТЯ. А за Гетту мне всё-таки стыдно. Сама же взяла на воспитание...

ОЛЬГА. Не получилось. У всякого может не получиться.

НАСТЯ. Ужасно... Всё думаю: ну вот и мать из тебя не получилась, женой не стала, а кто ты и зачем, и в чём смысл жизни такой? Прости... Есть два варианта: черничное варенье и вишнёвое.

ЯНА. Конечно вишнёвое, нечего даже думать.

ОЛЬГА. Ей в Твери будет лучше. Там дети... Ей не хватало общения, игр...

ЯНА. Я одна, кто с ней игрался. Нам было весело. Жаль, что Корнелий Александрович за ней в эту Тверь поехал. Он из неё жену хочет вырастить.

НАСТЯ. Какую жену, она же ещё ребёнок.

ЯНА. По древнерусским обычаям. Только мне кажется, что он её в жёны хочет пока она маленькая... А вырастет – он сразу её расхочет.

ОЛЬГА. *(Указывает)*. Котёнок.

ЯНА. Где?! *(Срывается, бежит ловить котёнка)*. Мой! Мой! Мой!

НАСТЯ. Откуда он здесь?

ЯНА. Иди сюда... Кс-кс-кс-кс... Иди к мамочке. *(Ловит и показывает котёнка)*.

ОЛЬГА. Это безродный...

ЯНА. Ничего себе безродный. Какие грубые тётки, да? Обзываются! Кто так обзывается, тот сам так называется! А мы вовсе не безродные. Наоборот. Мы очень высокородные. Из самых знатных кошачьих герцога-принцев!

НАСТЯ. Покажи.

ЯНА. Только не забирай! Не забирай!

НАСТЯ. Я просто посмотрю. Глаза – зелёные.

ОЛЬГА. У моей бабушки было девятнадцать котов. И все очень воспитанные. Помню, прихожу к ней: квартира большая, на Васильевском, потолки где-то высоко-высоко, стены серые, мрачные. В квартире – тишина, и только зелёные огоньки кошачьих глаз. Я тогда первое стихотворение и написала:

Глаза у котов зелёные,
И в темноте как фонарики,
В душу из квартиры старенькой
Заглядывают...

Забыла... Какое-то слово в рифму.

ЯНА. Или вы возвращаете котёнка, или я устраиваю яновойну! Раз. Два. Считаю до четырёх. Три...

НАСТЯ. Держи.

ЯНА. Потискали тебя эти одинокие женщины своими загребущими ручками. Напугался? Но ничего... Ты мальчик или девочка? Оль, посмотри.

ОЛЬГА. Не хочу.

НАСТЯ. Покажи. Похоже, мальчик.

ЯНА. Мальчик. Мой любимый мальчик. Наш любимый мальчик. Знать, назовём его просто, как любимого – Григорий Фёдорович. Будешь ты, Григорий Фёдорович, приходи к нам в гости. Важный, основательный... Морщить лобик. Цыкать на шалунов. Пить из блюдечка. И говорить очень мудрые вещи. Такие мудрые, что нам, глупым женщинам, и не понять. А мы взамен будем тебя любить. Как любили и прежде. Когда ты ещё не был маленьким, волосатым клубочком, а был солидным дядечкой. Потому что Григорий Фёдоровичей мы любим в любом виде. И во все времена...

Котёнок вырывается из рук ЯНЫ и убегает.

ЯНА. Стой, куда?! От нас не убежишь...

ЯНА пытается его поймать. ОЛЬГА и НАСТЯ хохочут.

ЯНА. Кс-кс-кс-кс! Григорий Фёдорович... Григорий Фёдорович... Кс-кс-кс-кс...

30.08.05 (Рукопись).

7. 10.05 (Киев, полный вариант).